

УДК 821.512.145

**СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА АНТИУТОПИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ МАРАТА КАБИРОВА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «КИТАП» («КНИГА») (2017))**

© Милеуша Хабутдинова

**ORIGINAL INTERPRETATION OF THE GENRE
OF DYSTOPIA IN MARAT KABIROV'S WORKS
(BASED ON THE NOVEL "KITAP" ("THE BOOK") (2017))**

Milyausha Khabutdinova

The article analyzes ideological and artistic originality of the new novel "Kitap" ("The Book") by M. Kabirov whose works in the Tatar literary criticism are considered to be in line with postmodern poetics. We prove that the work is a remake of the widely known works of Eugene Zamyatin, Peter Ackroyd, Stephen King, and Ray Bradbury. In terms of genre, the work is close to cyberpunk, a subgenre of science fiction reflecting the decline of culture against the background of technological progress in the digital age. M. Kabirov successfully exploits anti-utopian discourse. The plot of the Tatar writer's novel is based on a triad: man-civilization-society. Structurally, the novel "Kitap" consists of three parts: "Куркыныч кеше" ("A Terrible Man"), "Итта-ритта-риттата" ("Itta-Ritta-rattata..."), "Уяну" ("Awakening"), which are prefaced by epigraphs from foreign literature, determining the keynote of the work. The work is constructed on the principle of text within text, i.e. it has a framework structure: cyberpunk wrapped in Tatar literature of moral-didactic content. In the novel "Kitap" the Messianic myth is realized through the Quranic allusions, hidden in the symbolism of the messenger and the Book. The world of art, embodied in M. Kabirov's novel, is built according to the laws of technological dystopia: an era of digital technologies is combined with a total lack of rights in society; the technology of "a smart house" neighbors urban slums depicted in a post-apocalyptic style; the characters of the novel are forced to abandon the situation of comfort and join the battle with zombies; plunged into experiments with genetic engineering, people resemble experimental rats. Sometimes the boundaries of reality and virtual reality are blurred in the novel. M. Kabirov gives his characters a chance to correct this sinister world.

Keywords: Tatar literature, cyberpunk, Marat Kabirov, novel "The Book", dystopian discourse, game.

В статье рассматривается идейно-художественное своеобразие нового романа М. Кабирова «Китап» («Книга»), чье творчество в татарском литературоведении принято рассматривать в русле постмодернистской поэтики. В работе доказывается, что произведение является ремейком широко известных произведений Евг. Замятина, Питера Акройда, Стивена Кинга, Рэя Брэдли. В жанровом отношении произведение тяготеет к киберпанку – разновидности научной фантастики, отражающей упадок культуры на фоне технологического прогресса в век цифровых технологий. М. Кабиров успешно эксплуатирует антиутопический дискурс. Базисом для развития сюжета романа татарского писателя становится триада «человек – цивилизация – социум». Роман «Китап» состоит из трех частей: «Куркыныч кеше» («Страшный человек»), «Итта-ритта-риттата...», «Уяну» («Пробуждение»), – которым предпосланы эпиграфы из зарубежной литературы, определяющие тональность. Произведение выстроено по принципу «текст в тексте», то есть имеет рамочную структуру: киберпанк, завернутый в татарскую литературу нравственно-дидактического содержания. Мессиянский миф в романе «Китап» реализуется через коранические аллюзии, скрытые в символике посланника и Книги. Воплощенный в романе М. Кабирова художественный мир выстроен по законам технологической антиутопии: век цифровых технологий сочетается с тотальным бесправием в обществе, технология «умного дома» соседствует с городскими трущобами, показанными в постапокалиптическом стиле, герои романа вынуждены выйти из ситуации комфорта и вступить в схватку с зомби, люди, ввергнутые в эксперименты с геной инженерией, напоминают подопытных крыс. Порой границы действительности и виртуальной реальности в романе размываются. М. Кабиров дает своим героям шанс исправить этот зловещий мир.

Ключевые слова: татарская литература, киберпанк, Марат Кабиров, роман «Книга», антиутопический дискурс, игра.

В татарском литературоведении принято рассматривать творчество писателя Марата Кабирова в рамках постмодернистской поэтики [Заһидуллина], [Шәмсутова], [Юзмухаметова].

Новый роман Марата Кабирова «Китап» («Книга») мы в какой-то степени восприняли как ремейк широко известных романов Е. Замятина «Мы» [Замятин] и Питера Акройда «Повесть о Платоне» [Акройд]. Человек, цивилизация, социум – эта триада становится базисом для развития сюжета романа татарского писателя. М. Кабиров эксплуатирует модель постиндустриальной антиутопии. В то же время произведение тяготеет к киберпанку, жанру научной фантастики, где показан упадок человеческой культуры на фоне технологического прогресса в компьютерную эпоху.

Цивилизация выступает здесь как «социально-культурное единство, несущее в себе черты национального своеобразия», «совокупность достижений техники и связанного с ним комфорта» [Шишкина, с. 2]. Культура, если перефразировать О. Шпенглера, здесь рассматривается «как исторически сложившаяся в веках национально-культурная целостность, сущность которой образует религия, и уничтожение культуры во многом объясняется отходом от веры» [Там же], от мусульманских категорий нравственности. Татарский писатель, в духе немецкого ученого, считает, что нет ничего страшного в благоустройстве общества, но когда оно полностью поглощает человека, то на культуру у него не остаются душевных сил.

Сюжет книги сводится к истории перемещения главного героя по имени Ильдар из будущего в настоящее, то есть в наше время (2000-е гг.). Этот экспериментальный процесс протекает под контролем научного руководителя проекта – Рамиля Ахметовича, который проводит своего ученика через ряд испытаний. Ильдар сумел их преодолеть и остался неподвластен всему тому, что так или иначе связано с цивилизацией: в начале романа он – очередная жертва «умного дома» (цивилизации), ввергнутая в эксперимент жизни, однако случайная находка, которой оказалась книга, переворачивает его сознание, и он находит в себе силы для изучения культуры – наследия предков.

Роман «Китап» состоит из трех частей: «Куркыныч кеше» («Страшный человек»), «Иттаритта-риттата...», «Уяну» («Пробуждение»), – в каждой из которых есть эпиграф, взятый из зарубежной литературы. Писатель словно играет в

литературный ракетбол: кидает шар в стенку, в роли которой выступают то Коран и хадисы, то ключевые произведения XX века, получившие широкую популярность у читателей. Это произведения, получившие статус массовой литературы. Роман «Китап» апеллирует к Евг. Замятину [Замятин], Акройду [Акройд], С. Кингу [Кинг], большой литературной традиции, и это не смущает автора. Он намеренно добивается сходства с известными произведениями. В замкнутом пространстве, где концентрируются ключевые проблемы современности, его герой ищет выход. Мы наблюдаем за трудным процессом обретения современным человеком почвы под ногами, избавления от диктата некой силы, тотального контроля.

Важное значение приобретают в романе «Китап» эпиграфы: в первой главе – из научно-фантастического романа-антиутопии Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (1958):

Знаете ли вы, почему так важны такие книги, как эта? Потому что они обладают качеством <...>. У этой книги есть поры, она дышит. У нее есть лицо.

Ее можно изучать под микроскопом. И вы найдете в ней жизнь, живую жизнь, протекающую перед вами в неисчерпаемом своем разнообразии <...>.

Хорошие писатели тесно соприкасаются с жизнью [Кабиров, с. 183].

В романе-антиутопии Р. Брэдбери [Брэдбери], как известно, описывается общество, которое опирается на массовую культуру и потребительское мышление, где все книги, побуждающие читателя задуматься о жизни и хранение коих является преступлением, подлежат сожжению, а люди, обладающие критическим мышлением, объявляются вне закона. Постепенно будущее приобретает черты тоталитарного общества, где нивелирована личность. Р. Брэдбери изобразил людей, утративших связь друг с другом, с природой, интеллектуальным наследием человечества. Они спешат на работу или с работы, им некогда поделиться своими мыслями и чувствами, предметом их восхищения становятся материальные ценности. Они живут в мире интерактивных телевизоров, над которым нависла угроза катастрофы. В романе Р. Брэдбери обретают спасение герои – носители культуры, сохранившие в памяти строки из литературных произведений.

Ильдар, главный герой романа М. Кабирова, как и Гай Монтэг, соприкоснувшись с миром культуры, понимает, что возможна другая жизнь.

Он и его жена Лейла, вовлеченные в эксперимент, постепенно начинают тяготиться навязанной им жизнью, ищут подспудно способы отключить контроль над собой, чтобы принадлежать себе. Роман начинается с эпизода гибели ученого, открывшего иллюзорность, бессмысленность настоящего. У М. Кабирова обывательское выражение «вынос мозга» приобретает зримые очертания, разрастаясь до гротескных размеров: у ученого от обретения истины буквально взрывается мозг. Перед трагической гибелью он показывает жене книгу – «борынгыдан килгән мирас» («наследие предков»), которая в силах поставить с головы на ноги Вселенную. Так оценивается потенциал культуры в романе.

Сам эксперимент с Ильдаром в лаборатории напоминает сцену из сказок, когда герой, искупавшись в котле, обретает новый статус. Герой М. Кабирова оказывается в стеклянной ванне под воздействием укола. В основе этого мотива лежит трансфигурация, апофеоз героя. Как верно подметил В. Я. Пропп, «сказка переносит этот момент в пределы жизни и делает из следствия смерти причину смерти» [Пропп, с. 416]. Такой художественный перенос оправдан, так как содержит осуждение героя, выявляет его уязвимость.

В книге постоянно выявляется иллюзорность настоящего и реальность иллюзий. Особенно ясно это проявляется в разговоре руководителя эксперимента со своим учеником: он научил Ильдара, как обмануть систему «умный дом», чтобы избавиться от тотального наблюдения и обрести свободу творчества в кабинете. Герой вставил диск для камеры наблюдений в кабинете. С тех пор все свободное время он посвящал работе с Книгой, открывая для себя духовный потенциал прошлого. Учитель предупреждает его, что когда он почувствует в себе рождение человека думающего, то он станет представлять опасность для системы:

<...> үзеңне гыйлемле икәңеңне аңлаган көннән алып, син – куркыныч кеше» [Кабиров, с. 49]. – <...> с тех пор, как ты осознаешь, что ты образованный человек, ты становишься опасным (подстрочный перевод наш – М. Х.).

Значение Книги подчеркнуто и на композиционном уровне произведения. Отрывок из Книги, представляющий собой ироничное обращение писателя – автора книги – к своим читателям-современникам, составляет «раму» сюжетной линии ученого Ильдара.

Книга олицетворяет в романе национальную литературу в дидактическом ключе (үгет-насихәт әдәбияты), ориентированную на наставление

заблудших душ. Эта часть повествования написана в интеллектуально-аллегорическом ключе. С одной стороны, это исповедь создателя романа, его размышления об участии писателей в современном мире. Перед нами портрет современного общества века цифровых технологий. О себе и окружающих писатель высказывается в иронично-сатирическом ключе. С другой стороны, это повесть о Дориане Грее О. Уайльда [Уайльд], но только наоборот, в соответствии с антиутопическим дискурсом. В роли Дориана Грея, современного Фауста, выступает писатель, а в роли лорда Генри-искусителя, современного Мефистофеля, выступает бизнесмен Абрар Мусаевич Даутов. Писатель пытается доказать дельцу, что мир еще нуждается в книгах (=духовности), что сам он в состоянии написать актуальную книгу, которая найдет свой путь к читателю, реализовать успешно свой бизнес-план на книжном рынке. Эта часть несет в себе черты производственного романа: М. Кабиров знакомит нас с особенностью татарского книжного рынка. Однако реальность превосходит ожидания героя, и его соперник Даутов (от еврейского имени Дуад – «любимый») идет на подлость: подкупает современников, будит в обществе алчность. Мы наблюдаем торжество материальных интересов и потребностей в обществе-толпе, под тяжестью которых сошли на нет нравственные ценности. Коварный герой Даутов объявил материальное вознаграждение за сдачу книг, что привело к исчезновению библиотек и книжных магазинов, тем самым сведя на нет усилия героя-писателя. В результате художник слова был вынужден признать свое поражение.

М. Кабиров знакомит нас с размышлениями Ильдара – человека будущего, стремящегося осмыслить значение книг и дойти до сути настоящего. Герой вынужден скрывать свою рефлексию даже от любимой. После общения с книгой Ильдар меняется: обретает самостоятельность мышления. Ему удастся выстроить диалог с культурой. Таким образом, книга в романе М. Кабирова, как и у Р. Брэдли, воплощает в себе идею традиционных человеческих ценностей, разума и духа. Книга в романе – главный враг тоталитарного государства по нескольким причинам. Для Р. Брэдли она является символом сомнений, сомнения же – это пребывание в нестабильности, пробуждающее интеллект, способность мыслить [Ортега-и-Гассет]. Поэтому книга, как верно подметил А. В. Щербитко, – «опасный инструмент, могущий противостоять массовости сознания и, следовательно, способный разрушить цельность псевдо-счастливого

общества, созданного государством» [Щербитко, с. 60]. Кроме того, книга – символ традиции, связи с прошлым, «одно из вместилищ, где мы храним то, что боимся забыть», которые «показывают нам поры жизни» [Брэдбери, с. 264], сложный мир человеческой души.

Второй главе предшествует эпитафия из романа ужасов С. Кинга «Жребий»:

И в темноте вы тоже принадлежите городу, и город – вам, и вы спите вместе, как мертвецы, как камни на вашем поле. Это нельзя назвать жизнью; это медленное умирание дней, и когда в город приходит смерть, она кажется такой же обыденной, сонной и сладкой, как жизнь. Как будто город предчувствует приход смерти и знает, в каком обличье она явится [Кабилов, с. 100].

Американский писатель изображает маленький город, в который пришло Зло из ниоткуда, и подводит читателей к мысли, что преодолеть его можно лишь верой в Чудо [Кинг]. Ильдар и его подруга Лейла в романе «Китап» также сталкиваются со Злом, находят в себе силы противостоять зомби, захвативших город.

Важную роль играет рефрен, вынесенный в заглавие – «Итта-ритта-риттата...», апофеозу бессмысленного существования современного человека. Городской миф выстраивается посредством категории языка. Перед нами город будущего. М. Кабилов вслед за Питером Акройдом приоткрывает перед нами «их» мир, чтобы преломить в нем проблемы нашего «настоящего»: утрату богатства языка, духовности. В будущем слово утрачивает свое сакральное значение, нивелируется, а вслед за ним и человек. Слова из глоссария человека будущего характеризуют его эпоху как одержимую временем и быстротечностью. М. Кабилову удалось изобразить искаженную картину мира, создать художественный образ нашей эпохи, который виден сквозь причудливо преломляющую его призму стереотипов, бытующих в обыденном сознании.

Эпитафией к третьей главе становятся строки эпитафии к роману ужасов Уитли Стрибера «Последний вампир», в которых заявлена мессианская тема: *Мы лишь часть Справедливости, вершимой на этой земле* [Кабилов, с. 183]. М. Кабилов в развитии этой сюжетной линии успешно эксплуатирует миф о пророке Мухаммаде и Коране. Феноменальность личности Мухаммада состоит в том, что он прославился в истории как обыкновенный смертный, посланник и последний пророк. В то же время историческое значение Мухаммада состояло в том, что он сплотил арабские племена, вывел формулу единого арабского национального духа и конфес-

сиональной идентичности. У М. Кабирова таким посланником становится ученый, вырвавшийся из тисков тоталитарного общества благодаря влиянию Книги, содержащей исповедальное слово татарского писателя рубежа XX–XXI вв., носителя тысячелетней культуры, потенциал которой оказался не востребованным современниками.

Автор романа «Китап» («Книга») развивает мессианскую идею, характерную для ислама. Ильдар выступает в произведении в роли Махди, который упоминается в хадисах о Мухаммаде: первоначально он отождествлялся с пророком Исой, который должен был возвестить о приближении киямата – Судного дня. Прием «говорящего» имени применяется для того, чтобы подчеркнуть мессианский потенциал героя. Как известно, тюркское имя Ильдар состоит из слов *ил* ‘государство’ и *дар* ‘обладать’, что вместе может означать «правитель».

Определяющим в плоскости мессианского писательского мифа у М. Кабирова стало сочетание возрожденческого мотива с предчувствием национальной катастрофы. Автор романа демонстрирует веру в интеллигенцию-мессию, способную воскресить духовные ценности.

Таким образом, мессианский миф в романе «Китап» реализуется через коранические аллюзии, скрытые в символике посланника и Книги. Произведение пронизывает идея воскресения былой духовной культуры, способной заполнить духовную пустоту, которую породил век цифровых технологий. Героем романа становится коллектив единомышленников, которые под влиянием Книги становятся оппозиционерами тоталитарному режиму.

Мир в романе не статичен, он конструируется автором. М. Кабилов прибегает к монтажному принципу повествования. Главная сюжетная линия систематически прерывается вставками из Книги. Преемственность между прошлым, настоящим и будущим ослаблена. Порабощение человека техническим прогрессом лишь подчеркивает абсурдность происходящего. Так проявляется антиутопический дискурс романа.

Как и у Е. Замятина, интерес у М. Кабирова прикован к нарастающему конфликту между человеком и эпохой. С одной стороны, у него в роли Благодетеля выступает Ильдар; с другой стороны, мы наблюдаем за обычным человеком, массовым, из категории «мы». В соответствии с этими образами татарский писатель пытается понять натуру человека-мессии, осмысляет проблему свободы и ответственности человека, взаимоотношения человека и системы. Вслед за автором «Мы» татарский писатель размышляет

об особенностях технократической цивилизации. Взаимодействие героев с новыми современными технологиями оборачивается нивелированием, унификацией личности в масштабе государства, превращением людей в зомби, лишенных памяти. Это инвариант манкурта из романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок». Зомби М. Кабирова лишены исторической и индивидуальной памяти. Это люди толпы, олицетворение жестокой воли тоталитарного государства по уничтожению инакомыслия. М. Кабиров движет нас от пространства быта – пространства «умный дом» – к бытию. Эстетическая, философская и социальная платформы творчества Евг. Замятина оказываются благодатной почвой для художественных поисков М. Кабирова, яркого представителя татарской литературы рубежа XX–XXI веков.

Миру тоталитаризма по законам антиутопии противостоит любовь Ильдара и Лейлы. Имя девушки указывает читателю на несчастный итог их взаимоотношений: герой не смог спасти ни любимую женщину, ни своего ребенка, ставших жертвой общества зомби. В характере героини подчеркивается преданность и самоотверженность.

Катастрофа, нависшая над миром, приобретает в романе черты третьего сна Раскольникова из романа «Преступление и наказание», где весь мир осужден в жертву «страшной ...моровой язве» [Достоевский, с. 778]. У М. Кабирова это трагедия беспамятства, клипового мышления современного человека, живущего по законам цифрового века в вечной гонке, в невозможности остановиться, чтобы что-то осознать, что ведет личность к деградации, превращению в зомби. Перед нами футурологический прогноз. Автор доводит мысль о тотальном контроле общества над личностью до абсурда, чтобы показать степень насилия над личностью общества, стремящегося к тотальному упорядочиванию социальной жизни. В романе отчетливо слышны пессимистические тона, вызванные к жизни осмыслением негативного воздействия технократического века на человеческую природу. Мир фантастики в произведении переплетается с реальностью, демонстрируя колебания современного общественного сознания.

Новая книга писателя ориентирована на татарскую молодежную, протестную аудиторию, ориентированную на западную читательскую традицию. Положительным героем М. Кабирова становится ученый, писатель, то есть человек, наделенный творческим потенциалом и свободой мышления, стремящийся самовыразиться, отрицательными показаны люди-зомби, зависимые от

системы, стремящиеся остаться в строю. Воплощенный в романе М. Кабирова художественный мир выстроен по законам технологической антиутопии. Читатель наблюдает, как высокое технологическое развитие общества соседствует с тотальным бесправием. «Умному дому» в романе противопоставляется мир трущоб, канализационных труб, изображенных в постапокалиптическом стиле. Герои романа сталкиваются с киберпреступниками, ввергаются в эксперименты с генной инженерией. Порой границы действительности и виртуальной реальности в романе размываются. М. Кабиров дает своим героям шанс исправить этот злобный мир. В романе 41 подглава. Эта цифра не просто возникает в структуре произведения. Автор эксплуатирует символический потенциал этой цифры. Древние верили, что после смерти душа освобождается от физического тела на сороковой день, а на сорок первый начинает новую жизнь в нематериальном мире. Так дает о себе знать вера автора в возрождение через отрицание, в возможность начать жизнь с чистого листа.

К сожалению, новое произведение М. Кабирова не является новым словом в литературе. Как и в предыдущих произведениях, писатель отталкивается от чужих наработок и сосредоточивает внимание на структурных и стилевых экспериментах. Автор романа «Китап» приспособливает киберпанк к татарской почве, аккумулируя и играя чужими сюжетами из русской и мировой литературы. Возможно, это со стороны автора некая провокация, направленная против татарской молодежной читательской аудитории, все более отдаляющейся от национальной культуры и литературы, вехомой читательской модой.

Список литературы

- Акройд П.* Повесть о Платоне. М.: Иностранка, 2002. 170 с.
- Брэдбери Р.* 451° по Фаренгейту // Брэдбери Р. Марсианские хроники: Сб. М., 2002. С. 197–334.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 5. Л.: Наука, 1989. 782 с.
- Замятин Е.* «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа. СПб.: Мирь, 2011. 608 с.
- Кинг С.* Жребий. М.: АСТ, 1998. 480 с.
- Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: изд-во «Лабиринт», 1998. 512 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Идея и верования // Gumer.info: библиотека Гумер – гуманитарные науки, 2017. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ortega_Idea/03.php (дата обращения: 15.10.2017).
- Уайльд О.* Портрет Дориана Грея. М.: Эксмо, 2013. 352 с.

Шишкина С. Г. Истоки и трансформация жанра литературной антиутопии в XX в. Иваново: Ивановский государственный химико-технологический университет, 2003. 232 с.

Щербитко А. В. Тема и образ книги в романе Р. Бредбери «451° по Фаренгейту» // RHEMA. REMA. 2011 № 4 С. 55–60.

Юзмухаметова Л. Н. Новые явления в татарской прозе рубежа XX–XXI веков: постмодернизм / Л. Н. Юзмухаметова. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2016. 220 с.

Зahидуллина Д. Яңа дулкында (1980–2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачылык). Казан: Мәгариф, 2006. 255 б.

Кабиров М. Китап. Казан: Тат. китап. нәшр., 2017. 463 с.

Шәмсутова А. Хәзерге татар әдәбиятында яңарыш: фәнни мәкаләләр. Казан: Татар кит. нәшр., 2010. 204 с.

References

Akroid, P. (2002). *Povest' o Platone* [The Plato Papers]. 170 p. Moscow, Inostranka. (In Russian)

Bredberi, R. (2002). *451° po Farengaitu* [Fahrenheit 451°]. Bredberi R. Marsianskie khroniki: Collection of Stories. Pp. 197–334. Moscow. (In Russian)

Dostoevskii, F. M. (1989). *Sobranie sochinenii v 15-ti tomakh* [Collected Works in Fifteen Volumes]. T. 5. 782 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Iuzmukhametova, L. N. (2016). *Novye iavleniia v tatarskoi proze rubezha XX–XXI vekov: postmodernizm* [New Developments in Tatar Prose at the Turn of 20th and 21st Centuries: Postmodernism]. L. N. Iuzmukhametova. 220 p. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Kabirov, M. (2017). *Kitap* [The Book]. 463 p. Kazan, Tat. kitap. nashr. (In Tatar)

King, S. (1998). *Zhrebii* [Salem's Lot]. 480 p. Moscow, AST. (In Russian)

Ortega-i-Gasset, Kh. (2017). *Ideia i verovaniia* [Idea and Beliefs]. Gumer.info: biblioteka Gumer – gumanitarnye nauki. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ortega_Ideia/03.php (accessed: 15.10.2017). (In Russian)

Propp, V. Ia. (1998). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of Magic Tales]. 512 p. Moscow: izd-vo “Labirint”. (In Russian)

Shcherbitko, A. V. (2011). *Tema i obraz knigi v romane R. Bredberi “451° po Farengaitu”* [The Theme and the Image of the Book in R. Bradbury's Novel “Fahrenheit 451°”]. RHEMA. REMA. No. 4, pp. 55–60. (In Russian)

Shishkina, S. G. (2003). *Istoki i transformatsiia zhanra literaturnoi antiutopii v XX v.* [The Origins and Transformation of the Literary Genre of Dystopia in the Twentieth Century]. 232 p. Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi khimiko-tekhnologicheskii universitet. (In Russian)

Shamsutova, A. (2010). *Khazerge tatar adabiitynda ianarysh: fanni makalalar* [New Trends in Modern Tatar Literature: Scientific Articles]. 204 p. Kazan, Tatar kit.nashr. (In Tatar)

Uail'd, O. (2013). *Portret Doriانا Greia* [The Picture of Dorian Gray]. 352 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Zamiatin, E. (2011). “Мы”: *Tekst i materialy k tvorcheskoi istorii romana* [“We”: Text and Materials for the Creative History of the Novel]. 608 p. St. Petersburg, Mir. (In Russian)

Zahidullina, D. (2006). *Iaңa dulkynda (1980–2000 ellar tatar prozasynda traditsiialar һәм iaңachylyk)* [The New Wave (Traditions and Innovations in Tatar Prose of the 1980s and 2000s)]. 255 p. Kazan, Мәгариф. (In Tatar)

The article was submitted on 17.10.2017

Поступила в редакцию 17.10.2017

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Khabutdinova Mileusha Mukhametzyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru